

«Хармс строже Введенского»

газета-2005-16-18 лет-с 31

Левитин
Михаил

18.12.05

В нынешнем декабре в России отмечают важную дату — столетие со дня рождения Даниила Хармса. О своем опыте работы с наследием этого удивительного писателя корреспонденту «Газеты» Кириллу Решетникову рассказал главный режиссер московского театра «Эрмитаж» Михаил Левитин.

Спектакль «Хармс! Чармс! Шардам! или Школа клоунов», существующий в вашем репертуаре уже давно, показывает Хармса веселого и абсурдного, а постановка «Белая овца» — Хармса трагического. Ваше восприятие Хармса в целом как-то изменилось с тех пор, как вы начали им заниматься?

Ни к какому абсурду Хармс отношения не имеет, как и Введенский, как и вообще все обэриуты. Я об этом давно говорю. Я категорически отказываю обэриутам в возможности такого определения, и они бы себе тысячу раз в ней отказали. Это было совершенно реалистическое направление. Они себя называли «Объединение реального искусства». Это и есть реальное искусство. Просто мы не видели, какими мы стали в двадцатых годах. Мы не видим нашей реальной жизни, не представляем, до какого уродства может дойти человек. Обэриуты с фотографической четкостью воспроизвели годы, в которые жили. Они проникли в это время мощнее, чем Зощенко, мощнее всех других, даже обладавших острым взглядом и наделенных юмором. Они так туда вошли... Они пере-

воплотились в окружающее, почти слились с ним. Это самое главное, что нам нужно было понять. В 1980-е годы мы открыли юмор Хармса. Первыми в мире мы поставили громадное трехчасовое представление, где все совпало по всем компонентам, просто совпало — такое бывает случайно. Дело не только в том, что играли талантливые артисты и работала мощная постановочная группа, — дело в том, что мы угадали. Фактически это была программа театра. Возникло мировоззрение... Театра без мировоззрения не бывает. Театр — не аппарат для постановки пьес и не гастроном, удовлетворяющий зрительный зал. Театр — абсолютно отдельное, самостоятельное, мыслящее существо. Каким, собственно, и является наш театр на протяжении двадцати семи лет. Он говорит о своем. Так вот, юмор Хармса был нами угадан — залу всегда было очень весело и легко. Потом спектакль изменился, первые исполнители ушли. Сейчас веселье продолжается, но оно беспочвенное — это хороший спектакль для тех, кто не знал того, первого спектакля. А более поздний Хармс тоже совпал с настроением театра, с его зрелостью. Появилось желание по-другому взглянуть на несчастного Даниила Ивановича... Несчастливого, потому что его в хвост и в гриву эксплуатируют все кому не лень. Когда-то в своей «Книге, написанной второпях» я заметил, что для того чтобы приобрести индивидуальность, люди срочно

ставят Хармса: им кажется, что они от этого становятся интереснее, забавнее и сложнее. Хармс изнасилован по всем статьям. Его, не задумываясь, бросают в горнило эксцентрического театра. А мы определяем его как писателя-реалиста, ищем реальные мотивировки поведения его персонажей.

Как же все-таки появилась «Белая овца»?

Это было через восемнадцать лет после «...Школы клоунов». Я, может быть, даже и не собирался ставить Хармса. Но вдруг понял, что он может ответить на целый ряд каких-то философских вопросов, если только вопросы нашего существования можно называть философскими и не философскими. Идея возникла по прочтении рассказа «По-меха», который мне никогда не давал покоя. Казалось бы, такой простой рассказ... Мужчина и женщина нашли друг друга, они должны быть близки, между ними возникают тончайшие отношения, хотя и вполне чувственные, эротически откровенные. Можно даже представить себе, что автор посмеивается над ними, видит их со стороны, но это не так: Хармс — земное существо, и одновременно с этим — существо, разгадывающее, как он говорил, некий секрет бессмертия. И вот в самый яркий момент внутренней связи героям мешают, их прерывают. Это, даже вне связи с рассказом, всегда было для меня страшно важно и интересно: почему нас прерывают, как потом вернуть этот момент, как его восстановить? Из этого рассказа и родился спектакль — любовный Хармс.

Я думаю, что этого уж точно в мире не было. Это был Хармс, увиденный через любовь, через одиночество, через страх смерти. Там была очень важная тема взаимоподдержки, сострадания. Это был именно такой Хармс — и он есть, это спектакль очень живой.

Те композиции из вещей Хармса, которые используете при постановке, выбираете вы сами. Как вы отбираете тексты, что для вас при этом наиболее существенно?

Если спектакль кажется вам гармоничным, значит, я отбираю их правильно. Это все, что я могу сказать. Как отбираются тексты, как складывается музыка спектакля — это вопрос моей интуиции, моего умения и понимания.

Хармс — не единственный обэриут, к которому вы обращались...

В нашей жизни был еще Введенский — мы объездили всю Европу со спектаклем «Вечер в сумасшедшем доме». С моими студентами я сделал спектакль «Кругом возможно Бог». Была также «Елка у Ивановых», которую я поставил в Театре омской драмы. Он шел в огромном зале этого театра три года с аншлагами. Года четыре назад Омская драма — а это очень знаменитый театр — предложила мне сделать какой-нибудь спектакль, и я сказал: а давайте поставим пьесу, которую невозможно поставить в репертуарном театре. Ставить

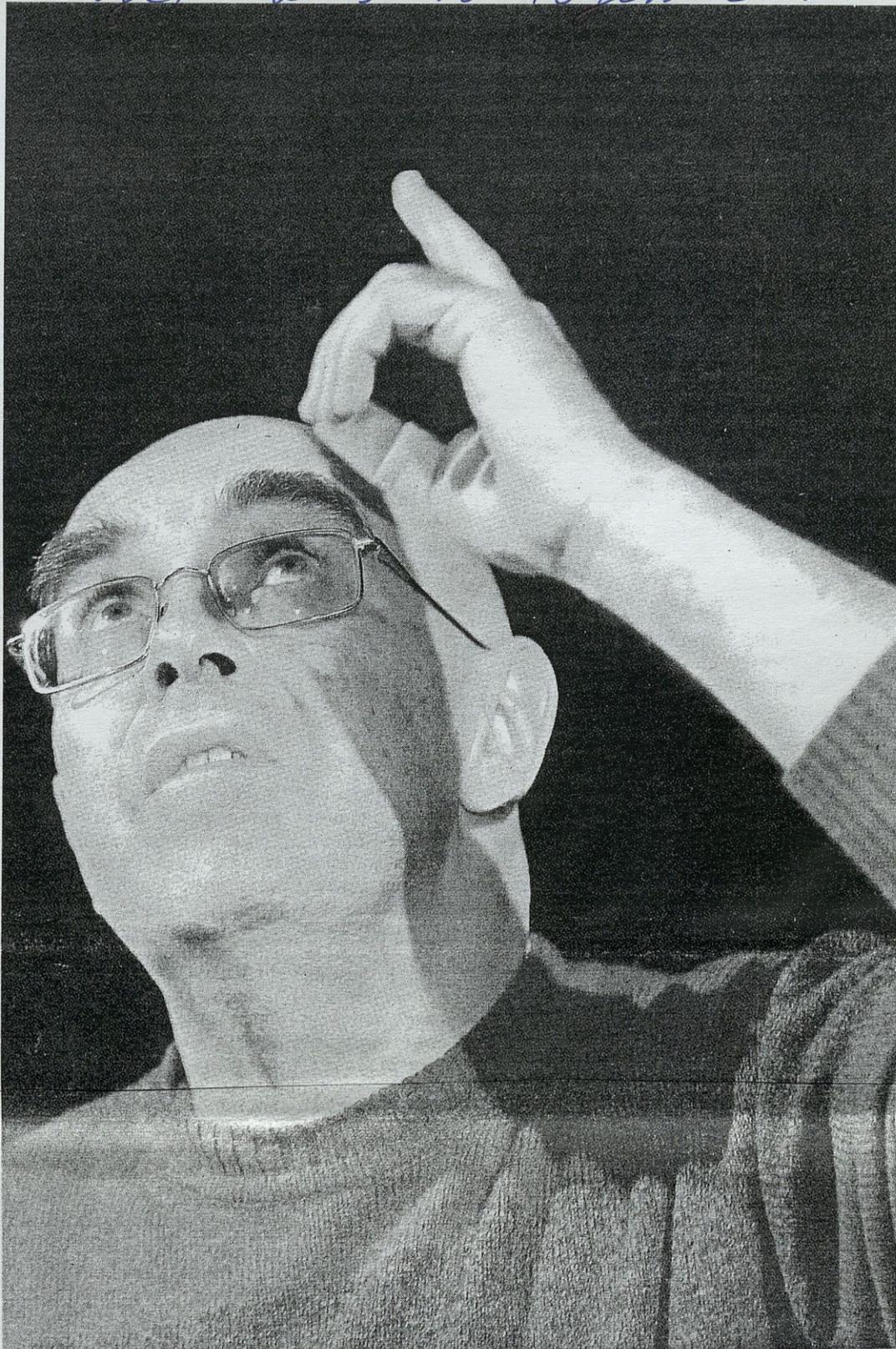

Фото: ИТАР-ТАСС

«Елку у Ивановых» в нормальном театре просто нельзя — рискованно, опасно. А у нас получился красивый предновогодний спектакль. Обэриуты связаны у меня с Новым годом. Не только потому, что Хармс под Новый год родился, но и потому, что они — счастье.

Хармс и Введенский близки биографически и литературно, в то же время очевидно, что они абсолютно разные. В чем для вас главное различие между ними?

Соприкасаются они только за счет общих пристрастий, близости некоторых взглядов и монотонной повторяемости образов. Я бы сказал так: Хармс значительно строже и конструктивнее Введенского. У Хармса есть некая позиция по отношению к материалу, с которым он работает. Он — артист и комедиант. Введенский — поэт пушкинского ряда, бессмертный богемный человек. Хармс — не богема, а цирк. Хармс — более западный человек, чем Введенский. И он был гораздо образнее Александра Ивановича.

Недавно я был в Белграде по случаю столетия Введенского — меня пригласили обэриутоведы. И я, по крайней мере на момент своего выступления, сумел их убедить, что, скажем, никаких сложных аллегорий, связанных с птицами, у Введенского нет — просто он жил напротив зоопарка.

В конце декабря у вас намечается премьера новой постановки по Хармсу — кантата «Спасение»...

Кантата «Спасение» уже была показана театром два года назад, в день рождения Хармса и накануне его. Мы ее сыграли всего два раза, хотя такого обычно не бывает. В прошлом году она не шла, а в этом году снова будет в связи со столетием Хармса. В черновиках, в каких-то сносках, ссылках и примечаниях я нашел текст кантаты, написанной Хармсом, по-моему, в 1939 году. Кантата есть кантата, она обычно посвящена каким-то очень важным торжественным событиям. Хармс доживал свое время под многочисленными государственным кантатам. Он сочи-

нил кантату о том, как две девушки пошли купаться и стали тонуть, а с корабля увидели, что они тонут, спасли их, и все начали мирно и весело выпивать. Я предложил чудесному композитору Андрею Семенову — это наш завмуз и актер, человек, довольно хорошо известный артистической Москве, — написать музыку. В постановке есть сюрпризы. В ней участвует несколько очень известных телевизионных людей, а также мощные вокалисты, которых знают в Европе. В частности, в предыдущих представлениях пела Моногарова. А еще играл оркестр «Русская филармония» под управлением Ведерникова. Длится кантата очень недолго — час десять без антракта, но там громадное количество исполнителей. Попасть на нее практически невозможно. Я не уверен, что можно войти в одну воду дважды, но в тот раз это было счастье для тех, кто присутствовал. Это была абсолютная импровизация. Сейчас это импровизация уже зафиксированная. Но сюрпризов будет все равно много.